

Давно не был Алексей Викторович в своей родной деревне. Да и зачем туда приезжать? Вымерла она. Дороги к ней все заросли. Лишь один обозначен путь, ведущий на погост: нет-нет, да кто-нибудь и приедет из города навестить могилы своих родственников. И теперь не остановился бы у места, откуда когда-то вела тропинка к его родной хате: не хочется душу травить лишней раз. Это все внук Антон со своим другом затеяли: «Покажи да покажи свою деревню, дед...»

— Пропали ваши джинсы, ребятки. Вон через какую ковыль-траву придется пробираться, — озабоченно сказал Алексей Викторович, глядя на модно одетых молодых людей.

— Не горюй, дед, мы не из пугливых, — весело отозвался Антон.

— На всякий случай возьми из багажника плед.

Дом с заколоченными ставнями и входной дверью одиноко стоял на пригорке и обиженно (так показалось Алексею Викторовичу) встречал посетителей.

— Был бы хозяин, можно было бы здесь жить да жить, — горестно вздохнув, произнес бывший жилец этого дома. — Посмотрите, сколько домов-памятников стоит по обе стороны речушки. А во времена моего детства был крепкий колхоз: два стада коров, овцы, козы, конюшня с резвыми скакунами и рабочими лошадками, угодня с овощами, посевными, пчельня...

— Не хочется, дед, тебя упрекать: возраст твой уважаю. А вопрос все-таки за-дам. Как смогли профукать все сельское хозяйство? И почему оставили нам, своим внукам, такое разоренное наследство?

— Э-э-х, Антоша-а! Пошарь-ка лучше рукой по притолоке, найдешь там ключ от замка. Распахни настежь двери и окна, пусть проветрится хата.

Алексей Викторович расстелил плед на траву-мураву, что пышным ковром поросла перед заброшенным домом, и присел устало. Из открытых окон пахло затхлостью.

— Ты, дед, отдохни, а мы с Серегой побродим по окрестностям, — сказал бодрым голосом внук.

«Взрослый. Тимирязевку оканчивает!» — с гордостью подумал Алексей Викторович.

Хотел вздремнуть, но вопросы внука, словно буравчиком сверлили мозг. «Сразу и не ответишь, — мысленно проговорил дед. — Да и велик соблазн оживить в памяти милые сердцу картины...»

Взглянул на покосившееся крыльцо, и защемило сердце: в редкие минуты удавалось родителям посидеть на скамейке. Все дела да заботы. И колхоз считался небедным, но деревенские семьи, хоть и работали много, не купались в достатке. Вспомнилось, как остановил председатель колхоза свою бричку у нашего крыльца, присел рядом с отцом, снял выдавший виды картуз, пот рукавом вытер со лба, выпил кружку холоднянки, что принесла мама, и, наконец, со вздохом облегчения сообщил: «Все, рассчитался колхоз с государством — план по сдаче продукции выполнили». А у молодой семьи, что и было богатство — так это маленький поросенок, я, да пара аистов, что жили у дома на высокой старой липе.

Вот и добрая бабушка Анна однажды рассказала смешной эпизод из моего раннего детства. «Было тебе, Леник, тогда чуть боле годика. Рано женились твои родители: сыну моему Витюше шел девятнадцатый, а мамане твоей, Таиске, всего-то восемнадцатый годок. Молодые — повеселиться, потанцевать охота. А папаня твой дюже хорошо играл на гармошке. В клуб пойдут вместе. Тебя батяня несет у груди, маманя гармошку тянет. Витюша на сцене сидит на табуретке, играет, а ты с другими такими же двухлетними мальцами вокруг ползаешь. А Таиса — интересная дивчина! Танцевать любила! То один кавалер приглашает, то другой. Осерчает твой папаня, гармошку бросает, тебя на руки и айда на дворушку. Прибежит ко мне, тебя оставит, а сам — к хате, где жили с твоей маманей. Из сарайчика поросенка, что я им подарила, схватит и бегом назад — разводиться, значит, собирается. Ночь не спит, переживает. А Таиска — гордая, к своей матери пойдет, явится только утречком с гармоникой. Обнимет, поцелует своего Витюшу. А он рад, поросенка в мешок — за спину, тебя — на грудь, как медаль, Таиса опять с гармонией, и пойдут восвояси».

Понимаю теперь, что выжить и выстоять помогли им только взаимная любовь и уважение».

На душе у Алексея Викторовича тепло и уютно стало. Воспоминания, как та речушка, что под горкой, дальше текут. Да будто и не с ним это было, а с неким деревенским мальчишкой по имени Леша.

По нынешним понятиям ребенка в три-четыре года лелеять надо, а отец посадит, бывало, Алешу перед собой верхом на лошадь: к деревенскому быту приучал. До сих пор помнит Алексей Викторович тепло, исходившее от отцовского тела, и крепкую руку, что бережно обнимала его. Ехали в поле: отца назначили бригадиром полеводческой бригады.

В шесть с половиной лет папа посадил сына на лошадь и подал в руки уздечку: «Веди, сынок, лошадку аккуратно, чтобы не сбивалась она с борозды, я сзади за плугом буду идти. Гряды с картофелем должны быть ровными, иначе задаст нам бабушка Анята трепку». Вот так приучали детей к крестьянскому труду. А лошадь-то была не собственная, а колхозная: запрещали в личном хозяйстве держать лошадей. Для своих нужд необходимо было выписывать лошадку. За ее использование высчитывали из заработанных трудодней...

Неожиданно вспомнилась Мария Михайловна — строгая, но добрая, первая учительница. «Головастый у вас парень, — говорила она родителям, — на лету все схватывает». И опять улыбка просияла на лице Алексея Викторовича. В первом классе это было, весной. «Алеш, материал урока ты понял, поэтому прошу тебя сбегать ко мне домой: тесто я замесила на опаре. На скамье у печи стоит. Посмотри, не убежало ли?» Гордо взглянул Леша на одноклассников, довольный важным поручением учительницы. «Да, если чепок не достанешь, под лавочкой на крыльце чурбачок стоит, подвинь его к двери», — провожая ласковым взглядом, дополнила Мария Михайловна. Тогда ведь не было замков на входных дверях сельчан: чепок на петле — значит, хозяев дома нет. Никто ничего не воровал...

Запах дрожжевого теста пробудил аппетит. Леша сглотнул слюну и подбежал к деревянной дежке. Холщевое полотенце вместе с тестом высоко поднялось. Парнишка сбросил холстину, тесто еще больше стало расти в форме гриба, затем поползло вниз дорожками по наружным стенкам. Леша растерянно оглянулся: на него сочувственно смотрел с портрета в резной рамке Иван Федорович, муж Марии Михайловны, погибший на войне. А опарное тесто уже сползло на скамейку. Мальчик двумя руками подхватывал эту живую тягучую массу и укладывал в пустой чугунок, что нашел под лавкой. Только справился, а тесто опять стало подниматься. Испуганный, весь измазанный, он побежал в школу. «Ленечка, надо было помешать мутовкой, что лежит на лавке». Алеша сорвался с места и стремглав побежал обратно. С большим усердием собрал то, что выползло из дежки, и давай мешать. Устал до пота. Тесто, наконец, успокоилось, осело. С чувством победителя он снова посмотрел на портрет Ивана Федоровича, который одобрительно, как показалось Леше, улыбался ему... Учителям, как и всем жителям деревни, в ту пору доставались все тяготы деревенского быта...

Пацаны лет с десяти-одиннадцати в летние каникулы работали на лошадях — трудодни зарабатывали. Лошадей было много, но резвых, выносливых лошадок знали наперечет. Старались пораньше на конюшню прийти, чтобы досталась облюбованная лошадка. Алексей в этом преуспевал.

В августе начиналась жатва. Пшеница, рожь, овес — всего было вдоволь. Трахтит комбайн цепями и ремнями, выбрасывает вороха соломы, которые образуют на поле замысловатый золотой узор. Мальчишки подъезжают на лошадях к копенке, соревнуясь в ловком умении подкопить ее, уложить на деревянную жердь с помощью сноровистых движений и закрепить лыковыми веревками. Стоя на жерди, утяжеляя ее своим весом, свозили солому к тому месту, где шло скирдование. А в обед, когда скирда была готова, все садились в ее тени. С колхозного стана привозили во флягах обед. Дымятся в алюминиевых чашках наваристые щи из баранины, ароматна гречневая каша! Подростки во время обеда наравне со взрослыми мужиками вели разговоры о жизни. И этим особенно гордились.

Но больше всего Леша любил сенокос. Уезжали на лошадях километров за десять-пятнадцать на несколько дней. Ночевали в шалашах, построенных из лозняка и покрытых сухим сеном. В четыре часа утра, когда воздух был так про-

звладен, что заставлял двигаться быстрее, работать сенокос. Помнит Алексей Викторович, как любовались мальчишки тракторными, конными косилками, что размеренно двигались по лугу. У лощин с зарослями лозы выкашивали траву ручной косой опытные мужики-косари. Роса сверкала точно бриллианты. Чем росистее трава, тем была мягче и податливей. К полудню в дело вступали женщины. Они ворошили луговую траву, помогая солнцу превратить ее в пахучее сено. Задача мальчишек — свозить его на лошадях к месту стогования. Работа заканчивалась в десять вечера. Аппетитна, вкусна деревенская еда: огурцы, помидоры, сало и картошка, которую пекли в костре. А еще вкуснее ущица из мелкой рыбешки, что успевала наловить между делом ребятня, да ключевая водичка.

Наступал час, когда взрослые, отбив свои косы для завтрашней работы, уставшие, располагались на свежем сене, а неугомонные мальчишки мчались на лошадях к знаменитому мосту, именуемому в народе Голубым.

Стоит «конная гвардия» у его насыпи, любитесь ажурными сплетениями и четкими узорами стальных конструкций моста-великана, что соединяет берега серебристой Десны. Наконец слышится в звенящей тишине стук колес приближающегося поезда, который мчится через мост. Паровоз дышит дымом и паром, машинист протяжным длинным гудком приветствует мальчишек. Радость, неописуемый восторг охватывают Алешино сердце! Он срывается с места, и его Вороной несется по лугу вдоль железнодорожного полотна за поездом, увлекая за собой всю мальчишечью компанию. Останавливаются на возвышенности, откуда открывается манящее сияние огней железнодорожной станции. Тогда и зародилась у юного Алеши мечта: уехать в большой город и научиться управлять чудо-машиной — овладеть профессией машиниста.

Все это будет потом. А сейчас надо было зарабатывать трудодни. Трудодень для колхозника — это важная единица учета затраченного труда. По труду распределяли доход. Нормы работы на один трудодень были велики...

— Эге-ге! — прервал воспоминания раздавшийся в тишине где-то у реки голос Антона.

— Ого-го! — вторил ему друг Серега.

«Развлекается молодежь, — с теплотой в сердце подумал Алексей Викторович... Увлёкся я воспоминаниями: была же радуга души и в той деревенской жизни...

А Антошка! Слово-то какое обидное нашёл: «профукали!» Оттого и «профукали», что колхозный труд был очень тяжелым. Чтобы заработать один трудодень, нужно было трудиться от зари до зари. Не всякий выдерживал физически такую ношу. Помню, как мы, пацаны, бегали за учетчиком Иваном, что носился из бригады в бригаду на лошади, к седлу которой крепилась деревянная сажень. Ею он измерял вспаханные, прополотые, засеянные сотки и записывал потом на большом бумажном экране заработанные трудодни. Сколько было разочарований, переживаний и даже слез, когда, проработав целый день, получали всего ноль целых семьдесят пять сотых трудодня. Трудодни оплачивались в основном натуральными продуктами: овощами, зерном, соломой, немного мясом... Денег давали очень мало. Выпросишь, бывало, у матери несколько копеек и несешься за десять километров на станцию за городским лакомством — мороженым...»

Все так жили. И при этом считали, что жили нормально.

«Эх, внучок! Почему «профукали», — продолжал сокрушаться про себя дед. — Были и совсем тяжелые времена. Мальчишкой был я еще, услышал однажды перешептывания двух старушек:

— Марфуш, — говорила одна, — а успели твои молодые поросеночка заколоть? Завтра уполномоченные приедут. Сарай будут шерстить.

— Мои-то успели, — звучало в ответ. — А вон Федьке Ковалеву пришлось корову и двух овецек в логу прятать. Не дай Бог, распознают приезжие! Придется отдавать живность в пользу государства.

— Да, задушили нас налогами...

Не стала жизнь в деревне лучше и тогда, когда колхозы стали укрупнять. Клуб, школа, медпункт закрывались и переносились на центральную усадьбу. Попробуй, доберись по нужному делу до той центральной усадьбы! В ту пору заболел и умер соседский мальчишка Гришуня: в прорубь случайно провалился. Не смогли вовремя оказать ему медицинскую помощь, медпункт располагался далеко»...

Эпизоды деревенской жизни один за другим всплывали в памяти Алексея Викторовича, и продолжал он рассказывать их сам себе.

«До сих пор помню, как тетя Маруся, многодетная мать, голосила в своей хатенке так, что было слышно на улице:

— Не дали! Лесу пожалели для расширения хаты! Куда я дену своих детей?! Под печку посажу?! Подросли, на полке не вмещаются! И кто ж такой «умный», что не разрешил пособить большой семье?!..

Мне, восьмилетнему мальчишке, однажды довелось быть с отцом у дяди Андриана. Мое внимание привлек блестящий, золотого цвета предмет, что лежал на вышитом рушнике, которым был застлан сундук. Проникший в хату луч света играл с этим предметом, и я, как зачарованный, не мог оторвать от него глаз.

— Что, нравится? — спросил у меня дядя. Я кивнул головой. — Через всю Европу из Германии после войны вез этот водопроводный кран. Да, видно, суждено ему быть всего лишь красивой вещью, а моя мечта о водопроводе в деревне останется всего лишь мечтой...

Наступило другое время. Стали городские родственники приезжать в деревню. Красиво одетые, ухоженные, они рассказывали о прелестях городской жизни:

— У нас квартиры с санузелом, горячий и холодной водой. Всего лишь повернешь кран (я слушал и вспоминал тот блестящий предмет) — водичка и потекла, не нужно таскать ведра на коромысле из колодца, что располагался под крутой горкой, и полоскать белье в ледяной воде...

Вот и потянулась, не оглядываясь, молодежь: кто за прелестями городской жизни, а кто на стройки века, но только — скорее вон из деревни.

И я после восьми классов с отличными оценками в свидетельстве уехал за своей мечтой. Учиться было нетрудно, но вечно недоедал: денег-то на питание родители дать не могли. Зато старались положить в сумку побольше домашнего провианта. Поклажа тяжела. Пока пешком прошагаешь десять километров до станции, выбросишь дорогой по очереди картошку, капусту, огурцы, помидоры. В общегититие явившись с десятком яиц и небольшим кусочком сала. В субботу после учебы в деревню вернешься только к ночи. В воскресенье хочется поспать, но до обеда обязательно нужно помочь родителям, а в два часа дня — в обратный путь...

Надо бы тебе, Антоша, все-таки поведать во всех подробностях про ту жизнь в деревне, чтобы строго не судил таких дедов, как я, и чтобы понял кое-что еще», — заключил свой молчаливый монолог Алексей Викторович...

Послышался лихой молодецкий посвист — вернулись Антон и Сергей.

— Понравилась нам, дедуля, твоя деревня. Замечательный ландшафт. В общем, будем воплощать в жизнь свой дипломный проект... Поддержка у нас есть со стороны сельхозакадемии. Выпускники строительных и финансово-экономических вузов тоже хотят послужить Отечеству.

Алексей Викторович от такой пламенной речи внука задышал неровно, а потом будто онемел.

— И ты, дед, не прав: деревня не пуста. На противоположном берегу реки обособились три молодые семьи в домах своих родственников. Пока как дачники. Чуть дальше две пары твоих ровесников коровок пасут: надоел им душный город. Рядом аисты поселились.

— Да вот же, вот аисты! К нам летят! — протянул Сергей к небу руки..

Радостное чувство надежды всколыхнуло душу Алексея Викторовича.

— А ведь аист — это предвестник счастья и благополучия, — взволнованно сообщил он, глядя на кружащих над головами птиц. — «Попроси перышко у аиста на счастье», — учила меня когда-то бабушка. Эти птицы чувствуют сердце человека, понимают его язык, имеют душу.

— Ой! А вот и перышко летит! Прямо мне в руки! — закричал Антон...

КАРЮТА

— О-о-о! Леник, никак свою невесту привел мне показать? — встретила нас бабушка Карюта, которая бесстрашно рвала голыми руками пышную крапиву вдоль старой деревянной изгороди.

— Не жжет крапива руки? — спросила я, невольно сжимая свои кулаки.

— Где ты видишь руки, девонька? Вот это, — старушка раскрыла ладони, — уже да-а-авно стало горячими.

Я посмотрела на ее натруженные руки, наверное, никогда не знавшие отдыха. Мой взгляд скользнул по щупленькой фигуре с головы до ног и остановился на босых ступнях, которые, по-видимому, летом не знали никакой обуви.

— А ты, видать, из городских? — пробурчала меня бабушка острым взглядом карих глаз. — Пошли в хату.

Карюта подхватила охапку крапивы и поспешила к низенькой покосившейся двери. Перешагнув порог, мы оказались в сенцах с земляным полом. Бабушка повернула направо, откуда слышалось бодрое хрюканье, а потом и восторженное повизгивание поросенка, получившего порцию только что нарубленной крапивы.

У стены стоял четырехгранный памятник из металла с пятиконечной звездой. Рядом — гроб с крышкой, обтянутый красным ситцем, и венок из восковых цветов. Я в изумлении замерла и недоуменно посмотрела на подошедшую Карютю.

— Не пугайся, девонька. Мое это хозяйство. Сыновья Витюша да Славуня просьбу мою исполнили. Хочу знать, в чем и под чем буду лежать. А-а! — с каким-то озорным весельем произнесла она. — Три года стоит, а я живу себе да живу! Восемьдесят второй годок уже разменяла. Ну что же мы? Леник, открывай дверь в хату, а то у меня руки грязные.

Хата состояла из одной комнаты: тут тебе и побеленная русская печка, и сундук, и кровать с высокой периной, двумя пышными подушками. Покрывало на постели, накидки на подушках — да все вязано вручную крючком, и все белоснежное, под стать печи.

— Разувайтесь: я вчера пол выскоблила голиком, — приказала хозяйка и окунула ноги в таз с водой, стоявший у двери. — К столу проходите.

Мы прошли по полосатой домотканой дорожке, сели на деревянные самодельные, с отверстием в центре, табуретки, тоже выскобленные добела. Покрытый белой вязаной скатертью стол стоял у стены между двумя окнами.

— Ну-ка, милая, откинь занавеску с окна, там клееночка припрятана. Стели ее поверх скатерки, — обратилась ко мне бабушка.

Между тем она вымыла руки под рукомойником, что висел недалеко от небольшого кухонного столика, порезала сало, вытащила из печи сваренный в мундире картофель. Вместе с огурцами и зеленым луком все выложила в широкую алюми-

ниевую чашку. Рядом на стол поставила солонку, миску со свежими, чисто вымытыми сырыми яйцами и ломтиками своего хлеба.

— Закуска готова. А ты, внучок, шкалик не забыл принести для бабки?

— Как можно, бабуль? Конечно, принес, — доставая из сумки четвертку «Московской», успокоил Алексей. — И твои любимые пряники.

— Наливай.

Бабушка Карюта посмотрела на образа, украшенные вышитым рушником, перекрестилась:

— Прости, Господи, душу мою грешную...

С поднятой рюмкой в руке она взглянула на портрет, что висел над столом:

— Пусть земля тебе будет пухом, мой любимый Буденный, — вздохнув, сказала бабушка и одним глотком выпила.

Она открыла небольшую коробочку, вынула из нее щепотку табаку и вместо закуски шумно занюхала выпитое, дважды чихнула в белоснежный передник, который успела надеть, войдя в хату.

— Эх, хорош табачок, крепкий. Недаром наши деревенские мужики приходят за ним ко мне. Вижу, и нонче урожай будет богатый. А вы, — спохватилась бабушка, — ешьте, ребятишки. От деревенской еды никому еще плохо не было.

Я внимательно рассматривала портрет. На меня смотрел бравый солдат с усами в военном кителе.

— Почему Буденный? — полюбопытствовала я.

— А ты что, разве не видишь, что мой Петруша похож на него? Воевал в Первую мировую, без ноги вернулся. Идеальный был, коммунист, лихой, напористый. Отбил у Ящечки, за которого замуж собиралась. А как любил Петруша меня! — Глаза бабушки загорелись, щеки зарумянились. — За мои карие глаза Карютой ласково называл. Так и люди стали кликать. Поди уж и забыли, что Анной Степановной когда-то звали. — От воспоминаний будто на десять лет моложе стала бабушка. — И я от его ласки да любви без ума была. Свой наряд свадебный в сундуке до сих пор храню. Жизнь тяжелую прожили: семерых детей поднимали на ноги, в колхозе работали от зари до зари, а любовь силы давала. — Взгляд ее карих глаз опять потух. — Двадцать пять годков я уже без своего Буденного.

Бабушка Карюта тяжело вздохнула, подняла голову и сосредоточила страдальческий взгляд на другом портрете, что висел рядом с портретом мужа. Две одинокие слезинки, как две росинки, выкатились из ее карих глаз.

— Наливай, Леник, еще стопку, — подставляя рюмку, сказала хозяйка. — Родимого сыночка помяну, что погиб смертью храбрых в сорок четвертом в Прибалтике.

Отхлебнув глоток из наполненной рюмки, Карюта отщипнула от ломтя хлеба маленький кусочек и медленно стала жевать, не отрывая взгляда от портрета сына. Ее карие глаза увлажнились, стали еще темнее.

— Это старший мой — Ляксандр. К началу войны ему было всего семнадцать годков. На фронт не взяли, так он в партизаны ушел. Это потом его призвали в Красную Армию. Ох, и досталось же мне за Санечку от немецких прихвостней — двух полицеев! К стенке ставили, обстреливали вокруг моей тощей фигуры. А я вся съеживалась, ни слова, ни слезинки не проронила, только глазами, как раскаленными углями, их обжигала. В живых оставили, но потом шомполами били. Вся спину и то, что ниже, до крови исполосовали.

Бабушка притихла, долго смотрела в окно. Ее морщинки на лице подрагивали, губы сжались в точку, глаза часто моргали, чтобы не уронить слезу горьких воспоминаний.

— В конце сорок пятого, — вернулась она к рассказу, — пришла мне посылка из Прибалтики с наградами и письмом, в котором писали о подвиге моего Сашу-

ни. А к двадцатилетию Победы прислали школьники приглашение. Надела на грудь три сыновы медали да орден Красной Звезды и поехала в Каунас, добралась до деревни Речица. Почет и уважение оказывали мне в поезде и в школе, где хранили память о моем сыночке. Постояла у братской могилы, прочитала его хвамилию в общем списке погибших наших солдатиков, поплакала вволю. Землицы, на какой погиб сынок, в кулечке привезла домой, хранила у образов. А как умер мой Петруша, на его могилочку тую земельку высыпала.

Карюта молчала, сосредоточенно думала о своем. Даже вздохом мы боялись прервать ее молчание.

— А ты, Леник, — неожиданно спохватилась бабушка, — передай своему папане, чтоб заглянул в хату через недельку с утречка. Пора и мне на вечный покой. Вот только грядки с табаком доплюю. Буденный мой, небось, уже давно заждался. Не забудь, внучок, две рюмки и четвертку «Московской» оставить на могилке: выпьем с Петрушей за встречу на том свете...

Хоронили Карюту всей деревней с почестями. Вспоминали ее чистое сердце, то, как стойко войну пережила, как трудилась без устали, была бесхитростной, терпеливой и неустрашимой, будто солдат...

Много лет прошло с той встречи с бабушкой Карютой, а я, нет-нет, да и вспомню ту удивительную деревенскую труженицу.